

ВЕЛИКОДУШИЕ В ЭПОСЕ «САСНА ЦРЕР»

В. Р. Григорян¹, Н. М. Искандарян², А. Г. Аракелян³

¹Гаварский государственный университет, Гавар, Армения

e-mail: grigoryanvachagan@gmail.com

²Российско-Армянский университет, Ереван, Армения

e-mail: isnaira123456@gmail.com

³Ереванский государственный университет, Ереван, Армения

e-mail: arakelara1@gmail.com

Аннотация. В статье впервые в типологической системе европейских эпосов («Илиада», «Песнь о Сиде», «Песнь о Нибелунгах» и др.) наряду с традиционными мотивами (борьба с чудовищами или врагом, поединок отца с сыном, отцовское проклятие и т. д.) рассматривается тема великодушия и благородства, которая не укладывается в привычные сюжетные схемы. Великодушие и благородство представляют собой моральное качество, которое характеризует поступки человека и обусловлено требованиями гуманистических ценностей. Оно включает в себя целый ряд таких сугубо человеческих достоинств, как самопожертвование, милосердие, благородство и другие. В разные исторические эпохи понятие благородства приобретало различное содержание.

Данная тема ярко представлена как в «Илиаде» – классическом памятнике мирового эпоса, так и в сводном тексте армянского эпоса «Сасна Црер» и его многочисленных вариантах. Объектом исследования выступают оригинальные тексты и различные варианты вышеупомянутых эпосов. Тема благородства в армянском эпосе «Сасна Црер» до сих пор не становилась предметом отдельного исследования. В данной статье её анализ занимает центральное место, поскольку она органически вытекает из содержания эпоса. Важно подчеркнуть, что великодушие эпического героя следует за его героическим деянием. Конечная цель эпического героя – не просто доблесть, а именно прощение и благородство, которые выделяют его из окружающей среды. Классическим примером в мировой литературе служит «Илиада» Гомера, которая завершается столкновением неукротимого гнева Ахилла с его же великодушием и «поражением» храбрости во имя благородства, человечности и сострадания. Хотя тема прощения тесно связана с христианской идеологией и оказала значительное влияние на содержание эпоса, следует признать, что милосердие и великодушие являются органической чертой армянской ментальной психологии, что зафиксировано как в армянской историографии так и в трудах европейских историков.

Исследование открывает новые пути осмысления эпических произведений. При таком подходе на первый план выходят гуманистические идеи, являющиеся выражением народной психологии и тесно связанные с внутренней философией эпоса. Работа носит междисциплинарный характер, поскольку затрагивает проблемы литературоведения, философии, психологии и этнологии. В исследовании используются сравнительный, психологический, мифологический и синтетический методы анализа.

Ключевые слова: великодушие, «Сасна Црер», всепрощение, гнев, мирный труд, «Илиада», право на жизнь, гуманизм, Давид Сасунский, Ахилл.

Для цитирования: Григорян В. Р., Искандарян Н. М., Аракелян А. Г. Великодушие в эпосе «Сасна Црер». *Эпосоведение*. 2026, 2(42), С. 75–91. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-75-91>

Original article

Magnanimity in the epic “Sasna Tsrer”

Vachagan R. Grigoryan¹, Naira M. Iskandaryan², Ara H. Arakelyan³

¹Gavar State University, Gavar, Armenia

e-mail: grigoryanvachagan@gmail.com,

²Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

e-mail: isnaira123456@gmail.com

³Yerevan State University, Yerevan, Armenia

e-mail: arakelara1@gmail.com

Abstract. Magnanimity and nobility represent a fundamental moral quality that defines human conduct in accordance with humanistic values. This quality encompasses virtues such as self-sacrifice, loyalty, courage, mercy, and generosity. Throughout history, the concept of nobility has carried different meanings across various epochs. This article presents the first typological examination of magnanimity in European epics, including Homer’s “Iliad”, “The Song of the Cid”, “The Song of the Nibelungs” etc. Departing from traditional motifs such as conflict with monsters or enemies, father-son duels, and generational strife, the study highlights magnanimity as a previously underexplored yet essential characteristic of the epic hero. This theme is prominently featured both in the “Iliad” and in the Armenian epic. The analysis focuses on original texts and different recorded versions of the “Sasna Tsrer”. The theme of magnanimity in “Sasna Tsrer” has not previously received separate scholarly attention. In this article, it occupies a central position, as it organically emerges from the epic’s content. Notably, the hero’s magnanimity consistently appears after his heroic deeds.

The study argues that the ultimate goal of the epic hero is not merely martial valour but forgiveness and nobility, which elevate him above ordinary warriors. Similarly, Homer’s “Iliad” culminates in Achilles’ magnanimity overcoming his wrath, affirming empathy and humanity as the highest ideals. Although the theme of forgiveness is closely linked to Christian ideology and has profoundly shaped the epic, it must be acknowledged that magnanimity and mercy constitute organic elements of Armenian national psychology. This is confirmed in Armenian historiography and in the works of prominent European historians.

This interdisciplinary study, employing comparative, psychological, mythological, and synthetic methods, opens new perspectives in epic studies. It shifts the focus from purely heroic narratives toward the profound humanistic significance of magnanimity, clemency, and empathy, deepening our understanding of epics as expressions of national psychology and universal human values.

Key words: nobility, “Sasna tsrer”, forgiveness, anger, peaceful labour, “Iliad”, right to life, humanism, Sasuntsi David, Achilles

For citation: Grigoryan, V. R., Iskandaryan, N. M., Arakelyan, A. H. Magnanimity in the epic “Sasna Tsrer”. *Eposovedenie*. 2026, 2(42), pp. 75–91. (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2026-2-75-91>

Введение

В армянском эпосоведении первым к вопросам мотива, сюжета и эпизода обратился Манук Абемян (Абемян, 1966: 466). В 1960-х гг. К. Мелик-Оганджян провёл типологическое исследование повествований, выделив ряд основных мотивов, встречающихся в эпическом творчестве других народов (Мелик-Оганджян, 2006: 35–64). А. Саакян в результате анализа повествований выделила четыре основные темы: антитезу «свой – чужой», брак, рождение могучего наследника и строительство (Саакян, 1975). С. Арутюнян выделил семь тем, которые могут быть разделены на отдельные мотивы: основание родины и государственности, строительство крепостей, церквей и мостов на родной земле, порабощение армян чужеземными державами, восстание и борьба против иноземного гнёта, поражение чужеземцев, восстановление государственности, падение государственности, мечты о восстановлении государственности, освобождении и справедливости (Сасна Црер, 1977: 641). Опираясь на опыт армянского эпосоведения и разработанные им методы, Айк Амбарцумян путём сравнительного анализа трёх типологи-

ческих групп эпоса «Сасна Црер» выделил основные сюжетно-композиционные единицы (Амбарцумян, 2018: 101). Они выражают: а) героев и их характеристики, б) действия героев и их характеристики, в) последствия действий, г) общие пространственно-временные характеристики.

Предметом нашего исследования является тема прощения и благородства, которая относится к первой группе вышеуказанных единиц. В мужских вариантах мотив наставляющего старца-просителя встречается относительно редко (Сасна Црер, 1944: 359, Сасна Црер, 1951: 565, Сасна Црер, 1979: 151, 401, 457, 547), тогда как мотив героя-просителя-советчика в мохских повествованиях имеет широкое распространение (Сасна Црер, 1936: 1, 55, 157, 247, 327, 379, 525, 601, 649, 753, 815, 887, 935, 970, 1086, Сасна Црер, 1951: 235, 387, Сасна Црер, 1979: 23, 61, 547). В сасунских вариантах наряду с ограниченным распространением мотива предупреждения врага (Сасна Црер, 1999: 129, 179, 197 209, 291, 323) широко распространён мотив воина старца-просителя-советчика (Сасна Црер 1944:153, Сасна Црер, 1999:95–282, 291–389). Нашей целью является подробное исследование столь широко распространённой темы прощения и благородства.

В ходе исследования эпоса основное внимание было уделено темам универсального характера, которые встречаются в различных эпических произведениях и сказках разных народов. Многие темы носят универсальный характер и встречаются в различных эпосах и повествованиях: борьба героя с противником, обретение оружия, подробное описание внешности героя (Айкуни, 1904: 3–70), его стремительное взросление, поединок отца и сына, вещие сны, появление огненного коня из моря, обжорство героев, гадание по звёздам, борьба с чудовищами и т. д. Наряду с этими темами можно выделить такие характерные преимущественно для «Сасна Црер» мотивы, как вырывание и нанизывание зубов врага на лоб, сравнение количества вражеских шатров с количеством звёзд на небе, кровь в кулаке героя, мощный голос героя, три удара в бою, обрушение земли под ногами героя, рассечение врага надвое и т. д.

Деяния/действия героев эпоса «Сасна Црер» характеризуют их как храбрых и могучих богатырей. Однако несмотря на то, что основное внимание в эпосе сосредоточено на подвигах, второстепенные на первый взгляд эпизоды напрямую связаны с внутренней философией произведения. Вслед за совершением подвига центральный герой проявляет терпимость и человеколюбие, и эта тема оказывается важнее собственно героической. Главная цель «Сасна Црер» заключается не столько в прославлении храбрости и героизма, сколько в утверждении благородства и всепрощения-великодушия по отношению к другому. Полный анализ подобной проблематики был проведён Р. Апресяном в работах, посвящённых главному герою «Илиады» (Апресян, 2015: 31–46). С этой точки зрения отдельного исследования по эпосу «Сасна Црер», причём с учётом его многочисленных вариантов, до сих пор не проводилось.

Материалом для данного исследования послужили различные версии эпоса, записанные на протяжении более чем века (1873–1980-е гг.). Всего зафиксировано около 160 вариантов народного повествования (Амбарцумян, 2018:16–17), наиболее полные из которых опубликованы в академических томах серии «Сасна Црер» и других источниках (Сасна Црер, 1936, Сасна Црер, 1944, Сасна Црер, 1951, Сасна Црер, 1977, Сасна Црер, 1979, Сасна Црер, 1999, Сасна Црер, 2008). Эпос не имеет единого канонического текста – как всякое фольклорное произведение, он существует в многочисленных версиях, отражающих богатство и многообразие народного мышления.

В исследовании показано, что тема великодушия развивалась во времени. В первой ветви эпоса («Санасар и Багдасар») речь идёт о всепрощении, которое носит скорее природный, генетически унаследованный характер. В третьей ветви («Давид Сасунский») великодушие становится уже осознанным явлением, что свидетельствует о глубоко гуманистической природе эпоса. Каждый вариант раскрывает разнообразные нюансы, связанные с мировосприятием сказителя и его представлениями о человеколюбии.

Цель исследования – раскрыть гуманистическую сущность эпоса, связанную с его внутренней, философской содержательной стороной. В нём приоритет отдаётся не столько темам

воинской доблести и храбрости, сколько гуманистическим мотивам. Тема, впервые подвергаемая подробному анализу в «Сасна црер», открывает широкие возможности для изучения эпоса с новой точки зрения.

Методом сравнительного, психологического, мифологического и синтетического анализа всех вариантов трёх типологических групп эпоса (мушской, мокской и сасунской) была исследована тема прощения и великодушия в параллельном сопоставлении с одним из классических произведений мирового эпоса – «Илиадой» Гомера. Благородство центральных героев (Санасара, Давида, Мгера Младшего) не становится исключительным признаком избранного класса. Через образ человека из народа – наставляющего старца – эта тема остаётся одним из важнейших средств раскрытия гуманистического содержания эпоса.

Христианство и тема прощения

Тема прощения в определённой степени связана с идеологией христианства. Религиозная тема занимает важное место в различных вариантах эпоса, хотя этого нельзя сказать о сводном тексте и литературных обработках. Под влиянием господствующей идеологии члены юбилейного комитета по празднованию 1000-летия эпоса стремились исключить из сводного текста религиозные мотивы и «религиозный дух». Против этого решительно выступил лучший знаток эпоса Манук Абегян (Амбарцумян, 2018: 183). В ранних мушских записях (с 1891 по 1932 г., за исключением повествований А и Б) Давид уступает два удара во имя матери и Бога. В более поздних мушских вариантах герой уступает эти удары уже во имя матери и сестры. В поздних записях отчётливо прослеживается влияние как сводного текста эпоса, так и литературной обработки Ованеса Туманяна (Амбарцумян, 2018: 182).

Признавая влияние христианской идеологии на общее содержание эпоса, необходимо отметить, что прощение (великодушие) является качеством, глубоко присущим армянской ментальности и психологии. То, что Санасар и Багдасар перед строительством Сасуна сначала возводят дома для своих подданных; то, что Давид перед боем будит арабских воинов, вместо того чтобы напасть на них спящими; то, что он сражается с Мсра Меликом только с соблюдением честных условий, иногда даже уступая инициативу противнику; и наконец, то, что Мгер Младший добровольно покидает этот бранный мир (что также можно рассматривать как пример великодушия), – всё это в эпосе «Сасна Црер» не случайные эпизоды, а явления, глубоко характерные для психологии армянского народа. Эти мотивы тесно связаны с армянской жизнью и вошли в эпос не случайно. Данное положение можно подтвердить и историческими фактами.

О благородстве армянского царя Арташеса I (ок. 230–160 гг. до н. э.) рассказывает Мовсес Хоренаци: воюя с аланами, он берёт в жёны дочь аланского царя, после чего заключает с ними союз и устанавливает мир между двумя народами (Хоренаци, 1981:196). Агафангел свидетельствует, что Трдат III (250–330 гг.), хотя сначала жестоко преследовал христиан и Григория Просветителя, впоследствии проявил милосердие и великодушие: он простил прежних противников и управлял страной в согласии и гармонии (Агафангел, 1977). Другой историк V в. – Павстос Бузанд – рассказывает о благородстве спарапета Мушега. Мушег разгромил персидское войско, захватил сокровища персидского царя и пленил женщин, однако не позволил нанести им никакого оскорбления и отпустил всех невредимыми. Персидский царь, поражённый добротой, храбростью и благородством Мушега, приказал изобразить его на чаше сидящим на белом коне и во время пиров повторял: «Пусть белый конь выпьет вина» (Бузанд, 1968:114–120). Не случайно Мушег Спарапет как яркий образец эпического великодушия вошёл и в «Шахнаме» Фирдоуси (см. «Бахрам и Чубин», раздел «Армяне помогают иранцам») (Фирдоуси, 1960: 418).

Царь Ашот II Железный, сражаясь с арабскими эмирами, в ряде случаев прощал побеждённых правителей или оставлял их на прежних должностях при условии верности Армении, что способствовало внутренней стабильности. Подобных примеров можно привести немало. Примечательно, что эти факты армянской историографии во многом созвучны оценкам европейских историков, в частности Стивена Рансимана и Рене Груссе. Стивен Рансиман в своём

фундаментальном труде «История крестовых походов» рассматривает средневековых армянских князей как важную опору христианского Востока и культурный мост между Византией и Ближним Востоком. Он высоко отзывается о моральных качествах армянских князей (Татул, Торос, Ошин) и особенно отмечает нравственный облик царя Левона II Великолепного (Runciman, 1954: 5–6, 320–330).

Французский историк Рене Груссе в «Истории Армении» подчёркивает аристократическую честь и воинское благородство, присущие армянским князьям. Он представляет их как носителей рыцарской морали, политической чести и достоинства. Уже в предисловии Груссе называет Армению перекрестком между Востоком и Западом, а говоря о нахарарах, особо выделяет их высокое чувство благородства и великодушия (Grusset, 1947: 195–204). Естественно, что тема благородства должна была найти яркое выражение в самом значительном фольклорном произведении армянского народа – эпосе «Сасна Црер». Эта тема развивалась на протяжении времени.

Историческое время в эпосе «Сасна Црер»

Эпос «Сасна Црер» охватывает самые разные периоды истории армянского народа, которые выражены в народном фольклоре. Древнейший период истории армянского народа совпадает с мифологическим периодом. Он начинается с бога Хайа и нисходит «вниз», к человеку¹. Этот этап охватывает время до 331 г. до н. э. – начало царствования Ервандуни в Великой Армении. Последний мифологический бог – Ара, который умирает как бог и возрождается как человек (Капанцян, 1945). Древний период истории армян – от основания царства Ервандуни (331–201 гг. до н. э.) до принятия христианства (301 г.) – совпадает с периодом эпических сказаний «Випасанком» (Абегян, 1966: 94). Это один из периодов расцвета эллинизма в Армении. Предводители – это полубоги, но в произведении в отличие от мифологического преобладает историческое время. В «Випасанке» больше подчёркивается индивидуальность героя-человека.

После принятия христианства божественная воля господствует над всем, а человек оказывается на втором плане, однако в эпических произведениях постепенно на первый план начинает выходить индивидуальное самосознание. Путь от божественного к человеческому, нисходящий «сверху» «вниз», делает время более предметным. Весь этот предшествующий опыт выражен в основе живой фольклорной структуры эпоса «Сасна Црер», где народ, не забывая весь предшествующий опыт (Древнейший период – мифы, Древний период – «Випасанк», Средневековье – периоды персидского, арабского владычества), привносит в сказание и трагедию человека новых времён, когда в результате деградации общественного порядка (процесс курдизации армян в XIV–XVI вв.) невозможно осуществлять изменения. Следовательно, человек идёт по пути самоосмысления, самосовершенствования, делая акцент на индивидуальные качества, до тех пор, пока время и общественный порядок не дадут ему возможность действовать (ветвь «Младший Мгер»). В этом смысле эпос «Сасна Црер» охватывает всю «амплитуду» временного развития истории человечества – от прошлого к будущему.

Всепрощение как исконное качество характера

Проблема психологического преображения народного характера занимает важное место в эпосе «Сасна Црер». При этом, это происходит так естественно, что кажется, будто в общем описании данного персонажа не произошли никакие изменения. Однако это имеет важное значение – не только для понимания самого героя, но и для правильного восприятия внутренней философии эпоса. Тема всепрощения проходит определённое развитие в разных ветвях эпоса. Первая ветвь становится не только началом истории основания дома Сасна, но и истоком всех явлений. Первые психологические черты, проявляющиеся в ходе событий и в характере рода, затем находят отражение и в последующих ветвях. В этом смысле эпос «Сасна Црер»

¹ К какому именно богу был причислен род Хайка, армянская традиция не сохранила. Месопотамская надпись III тысячелетия до н. э. свидетельствует, что, согласно дохристианскому армянскому преданию, «...наш народ считался потомком бога-творца Хай(а) и его сына, героя Хайка, и носил имя этого творящего бога» (Мовсисян, 2014: 14).

отличается от европейских эпосов своим подчёркнуто национальным характером, что выражено как в структуре, так и в содержании произведения.

Героические эпические памятники средневековой Европы в основном построены вокруг конкретных исторических личностей. Именно поэтому имя героя почти всегда присутствует в заголовках эпических песен, таких как Роланд, Сид, Ги Бургундский (Михайлов, 1995: 77, 279), Рауль де Камбре (Энциклопедический словарь, 1899: 370–371) и т. д. Невозможно не отметить, что в «Песне о Роланде» герои, движимые личными стремлениями и страстями, действуют не только ради интересов своего рода, но и во имя родины. В европейских эпосах на первый план выдвигаются сами события. Они обрамляют тот или иной эпос. Всё подчинено событию: оно определяет ход действия и судьбы героев. Поэтому многое кажется происходящим вне самих персонажей. Трудно заметить проявление всепрощения в «Песне о Сиде», «Песне о Роланде», тем более в «Песне о Нибелунгах». Наоборот, сам Роланд просит прощения у своих рыцарей за неправильную оценку ситуации, что повлияло на их безвыходное положение, но не проявляет всепрощения. В «Песне о Сиде» герой «выпрашивает» всепрощение короля в виде военной добычи, а в «Нибелунгах», где много сцен битв, великодушие рассматривается как следствие победы:

Не забыли и о раненых воинах помочь много,
Король был милостив и к пленным (Песнь о Нибелунгах, 2007: 64).

В широких слоях средневекового европейского общества великодушие считалось исключительной чертой, свойственной аристократии, поскольку полагали, что милосердие, самопожертвование, благородство, рыцарство в наибольшей степени присущи дворянскому сословию (Кухтенкова, 2010: 216). Тема великодушия занимает важное место и в «Шахнаме» Фирдоуси. Автор убеждён, что идеальный предводитель должен обладать четырьмя основными качествами: способностью различать зло и добро, добродетелью, отвагой и благородством:

Дар Божий – великодушие царя, светла
Его душа, он не приемлет зла (Фирдоуси, 1960: 357).

В эпосе «Сасна Црер» великодушие является одной из ключевых тем. Благородство героя проявляется прежде всего в его бескорыстном стремлении помочь другим. Великодушные люди всегда готовы жертвовать своими интересами ради помощи другим. Это действительно очень важный компонент великой души. В типологической системе европейских эпосов это уже самостоятельная, не подчиняющаяся схемам тема, более психологическое явление, чем традиционные темы, характерные для эпических повествований: борьба героя с чудовищами или врагом, поединок отца и сына, проклятие отца и т. д.

Первая ветвь «Сасна Црер» – не только начало основания Сасунской крепости, истории её героев, это повествование о происхождении самих явлений, своего рода «история начал». Герои этой ветви совершают культурные деяния, тема основания крепости встречается почти во всех вариантах первой ветви (Сасна Црер, 1944: 35, 230, 259, Сасна Црер, 1951: 13, 235, 323, Сасна Црер, 1999: 179, 229, 257 и т. д.), особенно в Мушской версии, где строительство крепости у истока мощной реки имеет особое значение (Сасна Црер, 1944: 49, 135, 159).

Санасар и Багдасар впервые встречаются со своим врагом в бою. Халиф Багдада, чтобы спастись от верной смерти, обещает Великому Идолу принести в жертву сыновей. Халиф собирает сторонников, чтобы они присутствовали на церемонии:

Тысячи людей пришли, поле наполнилось.
Иголку брось – не упадёт на землю (Сасунци Давид, 1981: 44).

Когда братья разбивают сторонников Халифа, они связывают его к столбу, вместо того чтобы сразу убить. Вскоре весть, что внуки возмужали, победили язычника Халифа и пируют по

случаю победы, доходит до их деда. Эта неслыханная и невиданная весть победы не просто радует креста-царя Гагика. Увидеть храбрых внуков становится для него целью: «О Господи, если бы я увидел братьев, пусть душа моя покинет тело» (Сасунци Давид, 1981: 47). Царь спешно зовёт к себе Санасара. Последний оставляет Багдасара охранять связанного Халифа, сделав наказ не отпускать его. Такое отношение к заклятому врагу говорит о всепрощающем поведении, что и подтверждается в развитии сюжета. Дед никогда не видел внука и «по подобию матери узнал внука». Радость была так велика, что предала забвению и мать Санасара, и брата, не говоря уже о связанном халифе. Великодушие – всепрощение характерно не только для Санасара, оно проявляется и в «родовом» характере: «Когда в очередной раз Неистовый Багдасар ушёл на охоту, Халиф попросил дочь ослабить его узы, последняя и развязала их. Пока Багдасар не вернулся с охоты, Халиф уходит в город, посоветовавшись со своими сторонниками-князьями, решает на горе Ахмах устроить пир, напоить Багдасара семилетним укусным вином и убить.

Когда Багдасар вернулся с охоты, «увидел – Халиф развязан, ничего не сказал» (Сасунци Давид, 1981: 48). Более того, Халиф предложил пойти на Чёрную гору, там поохотиться, Багдасар и согласился. И только когда Санасар, посмотрев на звёзды, угадал тяжёлое положение брата, поспешно вернулся и увидел, что на пьяного брата бросают палицу, одним ударом опустил халифа Багдада «на семь газов»² в землю, уничтожил его сторонников». Такое поведение героев в начале повествования имеет особое значение: речь идёт о зарождающейся истории, в которой герои определяют своё отношение к противнику. Но это одновременно говорит и о психологических переходах, отражает психологическую эволюцию персонажей. Герои эпоса не статичны – их внутренние переживания подвижны, и разные версии эпоса дают простор для толкований.

Великодушие (благородство) по отношению к противнику отражается и в других сценах. Санасар и Багдасар ценой больших испытаний освобождают Дехцун-Цам. Уходя из Медного города, они встречают под стенами сорок старцев. Дехцун предлагает Санасару оставить их, ведь это его противники, но герой, движимый состраданием, велит вернуть им молодость и силу. Так и происходит – Дехцун с помощью своей птицы возвращает им юность и силу, и сорок удалых богатырей, отказавшись сражаться против Санасара, возвращаются в свои земли.

Ветвь «Санасара и Багдасара» охватывает древнейший мифологический период истории Армении: это и рождение героев из воды, обретение волшебного коня и оружия, борьбу с чудовищами – и привносит в повествование тему прощения как важнейшее качество человеческих отношений. Это такие качества, как отсутствие злопамятства, добросердечие, которые восходят к «детскому» периоду, ко времени исторического становления героев эпоса «Сасна Црер». Интересно, что в этой ветви всепрощение связано с неведением героев, их «неразумной» смелостью. Противник хочет увести «Кривого Багдасара» на гору Ахмах, напоить и убить. Безрассудная храбрость, выраженная в поведении героев мифологического периода, в Средневековье будет заменена оценкой последствий собственных поступков героев. Естественно, эта тема, выраженная ещё в первой ветви, не могла не получить развития в дальнейшем сюжетном развитии эпоса, поскольку она ключевая в его содержании.

В этом смысле, пожалуй, только «Илиаду» Гомера как культурное явление древнего мира можем сравнить с «Сасна Црер». Хотя, несомненно, различия значительны, но как классический пример человеколюбия, гуманизма по внутренней философской направленности, а также по поставленным проблемам эти героические поэмы исключительны в истории мировой культуры, несмотря на то, что литературная мысль в основном в центре внимания держала их героическое содержание, а не погружалась в глубину явления – требование идеи. Между тем стремление видеть явления в целостности было первостепенной задачей как для «Сасна Црер», так и для «Илиады». Тем не менее, как в анализе образа Давида, так и в анализе образа Ахилла больше внимания уделялось их героическому началу, нежели гуманистическим качествам.

² Единица измерения в средневековой Армении.

Сравнение «Илиады» и «Сасна Црер» обусловлено не только тем, что тема великодушия ярко выражена в этих произведениях, но и тем, что они близки по времени возникновения. Оба произведения отражают изначальное мировосприятие народов – несмотря на то, что «Илиада» является авторским трудом, а «Сасна Црер» – народным творением. Гомер опирается на мифологию, сложившуюся народным мышлением, следовательно, его истории – художественное осмысление народного сознания. Известно, что уже в VI в. до н. э. во времена Солона и Писистрата поэмы Гомера вошли в сферу греческой культурной жизни, и рапсоды исполняли их во время праздников. Кроме того, развитие мифологической поэмы Гесиода «Теогония» (генеалогия богов) относится к концу VIII и началу VII в., и этот эпос полностью основан на гомеровской поэзии. Становится очевидным, что гомеровские поэмы созданы в более ранний период. Наиболее вероятной датой следует считать IX–VIII вв. до н. э. (Гомер, 1987: 31).

Герои первой ветви «Сасна Црер» – Санасар и Багдасар (Адрамелек) – упоминаются в VII в. до н. э. В 681 г. до н. э. (по Чамчяну – 3295 г.) после неудачного похода против Иезекии, царя Иудеи, Сеннахериб вернулся в Ниневию, его два сына, опасаясь, что будут принесены в жертву богу Несраху, убили отца и бежали в Армению (Чамчян, 1985: 98). Ту же историю упоминают Мовсес Хоренаци (Хоренаци, 1981: 131) и Библия (Библия, 2004: Четвёртая книга Царств: 35–36).

Таким образом, события, произошедшие в первой ветви «Сасна Црер» и «Илиады», очень близки по времени создания, следовательно, вполне оправдан их анализ и проведение параллелей между ними. Это означает, что произведения в корне принципиально отличающиеся друг от друга, («Сасна Црер» представляет Восток, а «Илиада» Запад, «Илиада» представлена в пространственных измерениях, а «Сасна Црер» – во временных) (Григорян В. и др., 2024: 209–223). Одновременно в своём смысловом содержании отражают такие гуманистические идеи, как прощение, терпимость, понимание другого. «С другой стороны, дошедшие до нас тексты... прошли долгий путь, отразив в себе нюансы развития психологии и моральных представлений народа. Можно предположить, что особенно гуманистические мотивы устного существования эпоса на протяжении столетий усиливались» (Егиазарян, 2013: 125–126).

Эпический герой вне героизма

Герой Гомера индивидуалистичен (может быть амбициозен): для него первостепенное значение имеет слава. Он сознательно отправился в Трою, чтобы навечно запечатлеть своё имя, увековечить его доблестью и отвагой в памяти поколений. Ахилл предпочитает славную смерть бесславной жизни. Для него предстоящий подвиг в какой-то мере – цель жизни, её смысл и оправдание. Здесь всё подчинено «эстетизации», следовательно, представлять психологические явления значит представлять их в максимально крайних и впечатляющих красках.

Гомер и не скрывает, что проблемы разворачиваются во внутреннем мире индивида и вокруг него. «Если эпос – история о „лучших“, то эти лучшие должны быть идеалом для сказителей и слушателей» (Егиазарян, 2013: 130). Это мир славных и славлюбивых героев, они воины, и их отношение к противнику более чем враждебно, следовательно, ожидать другого отношения очень трудно. Более того, иногда они могут быть чрезмерно жестокими, безжалостно наказывая своих противников.

Кульминацией психологического напряжения в поэме является встреча Приама и Ахилла (Гомер, 1987: 457–462). Он оказался под шатром героя, чтобы выкупить тело сына Гектора. Уже две недели как Ахилл в поединке убил своего противника, который в свою очередь убил самого преданного друга Ахилла – Патрокла. Хотя Гектора уже нет, тем не менее он продолжает надругательство над мёртвым, гнев в нём за друга никоим образом не ослабевает. Даже боги разгневаны отношением Ахилла к уже мёртвому Гектору, поэтому Зевс решает, что Ахилл должен отдать Приаму тело Гектора. В результате божественного вмешательства Приам оказывается под шатром Ахилла. Ахилл с уважением относится к отцу, потерявшему сына, возвращает тело Гектора, а затем объявляет перемирие, чтобы достойно организовать похороны Гектора.

Великодушие – неотъемлемая черта рыцарства. Можно сказать, что Гомер на довольно коротком отрезке представляет весь процесс внутреннего преобразования героя. То есть центральный герой, хотя и опосредованно исполняет волю богов, тем не менее его внутренняя трансформация очевидна, Ахилл не забыл боль потери друга, но гнева, овладевшего всем его существом, уже нет:

Не гневайся на меня, о любимый мой Патрокл,
Если услышишь в аду, что я отдал отцу
Тело убитого тебя... (Гомер, 1987: 459).

На самом деле Гомер не ограничивается при изображении явлений описанием или демонстрацией героизма. Жизнь – это совокупность человеческих отношений, существующих и вне героизма. «Героизм, каким бы важным он ни был для военной среды, не исчерпывает жизнь общества и значение человека» (Апресян, 2015: 32). Однако нельзя не учитывать и внутреннюю логику поэмы: после череды ожесточённых и беспощадных сражений повествование переходит к теме человеческого великодушия – способности почувствовать боль другого, понять его.

В уже средневековых европейских эпосах представления о храбрости и благородстве становятся иными. Безрассудство больше не считается признаком мужества: воин должен оценивать последствия своих поступков и не подвергать себя опасности без необходимости. Быть отважным – значит следовать чести и благородству, ставя их выше собственной жизни. А тщеславие становится пороком (Кухтенкова, 2010: 221).

Давид как народный герой и носитель психологии народа делает всё, чтобы уберечь свой народ от посягательств врага. Он защитник сасунцев и на этом пути не остановится ни перед какими препятствиями. Совершая подвиги, сасунские безумцы не требуют славы и похвалы. Что может быть более убедительным доказательством их искренности и великодушия. «Герои “Сасна Црер” – не сентиментальные юноши... а эпические герои, которые сражаются, проливают кровь, уничтожают вражеские полчища. Но на этом фоне особенно выделяется их сострадание и внимание к ближним, к другим людям вообще» (Егизарян, 2013: 125).

Если герой Гомера стремится обрести бессмертие через славу, то Давид в этом не нуждается. Его героические деяния не имеют целью возвысить собственную личность над окружающими. Он по призванию защитник своей страны, следовательно, у него не может возникнуть вопрос – идти ли против врага или ждать. От этой цели его ничто не может отклонить. Его личная обида, связанная с сомнением Дзенов Огана – отдавать ли Давиду оружие и не окажется ли оно потерянным, – хотя и раздражает Давида, но уже в следующий момент герой забывает об этом, ведь его ждёт великое дело, миссия. Он не настолько самовлюблён или эгоистичен, чтобы сожаление дяди или уменьшение его роли стали бы причиной отказаться от битвы. Ведь защита родной страны для него – превыше всего. Но эта личная обида возвращается к нему ещё раз – прямо во время сражения. При этом это ещё раз должно подчеркнуть человечность героя, проявление понимания к мнению другого, способность прислушаться к его слову. Если вершиной психологического перевоплощения Ахилла является встреча с Приамом, то для Давида таким перевоплощением является встреча на поле боя с находящимся в рядах вражеского войска старцем. Оба этих случая отражают гуманистическое начало эпоса – понимание противника, сострадание, способность сопереживать. Кажется, нападение врага на родную землю носит общий характер, и невозможно понять противника или общаться с ним. Но происходит неожиданное. Самый боеспособный герой в эпосе прислушивается к своему заклтому врагу.

Жизнь, даже жизнь воинственного героя Давида, не ограничивается только его героизмом, а сплетена узами человеческих отношений. Народ наделил своего идеального героя не только героизмом, но и гуманистическими человеческими качествами, где всепрощение занимает важное место.

Великодушные следуют за героизмом

В разных версиях эпоса «Сасна Црер» лучше всего выражены примеры великодушия, проявленного эпическим героем. Нет ни одной версии, где бы не упоминался важнейший эпизод, в котором рассерженный в бою герой останавливается, чтобы выслушать мудрые слова старца или человека старше себя. В сказании, представленном дядей Нахо из Мокса, в жаркий момент битвы выступает мудрый старец:

Один старик, хромой и седой, стоял между ними и сказал:
Дайте мне дорогу, я пойду навстречу Давиду,
скажу ему одно слово – и, может, освобожу войско от битвы.
Пошёл он к Давиду и сказал:
Давид, подожди, подожди!
Давид рассердился и сказал:
Что значит «подожди», старик?
Я ведь парень двадцати лет,
в чём я виноват, что ты мне говоришь «подожди»?
Старик ответил:
Давид, жизнь моя, солнце моё,
я не говорю тебе «подожди» в обиде.
Наш язык такой – у нас «подожди» значит «дайте пройти».
Я просто прошу: дайте пройти, хочу видеть Давида и поговорить с ним.
Давид сказал:
Ну говори!
Давид, зачем ты убиваешь этих людей?
Все они – чьи-то дети, у каждой матери они одни.
Мсра Мелик силой привёл их сюда.
Если ты настоящий герой,
иди, сразись с самим Мсра Меликом!
Давид спросил:
А где его шатёр?
Старик ответил:
Вон тот, с зелёным пологом (Сасна Црер, 1936: 25).

В этом эпизоде присутствует, может быть даже, оскорбление, в силу того, что Давид не понимает собеседника. И это тоже характерно – люди часто сталкиваются с проблемами из-за непонимания друг друга, но важно говорить или вести переговоры с противником. Мудрость народная уже в далекие исторические времена оценила умение воинов прощать и при помощи переговоров избегать конфликтов. Выражение «наш язык кривой» означает, что люди не понимают друг друга, поскольку язык не полностью передаёт сказанное собеседнику; более того, слова могут иметь противоположные значения. Старик, говоря «постой, постой», подразумевает «прервись», «дай передышку», а Давид в словах старика видит направленную на себя обиду в смысле «пустой», «ничтожный». Недоразумение вскоре проясняется: герой, которому в эпосе всего десять лет (в других версиях – пятнадцать), только вступает в жизнь, тогда как старик уже прожил долгие годы. Разве мог он действительно счесть ребёнка «пустым»? Возмущение Давида вполне объяснимо. Но старец имел гораздо более важную цель – прекратить бойню, спасти множество человеческих жизней. Следовательно, есть цель более высокая, чем сама битва и её смысл – это жизнь, радость бытия. Каждый из тех воинов – чьё-то дитя, сын своей матери.

В версии Тамо Давтяна особенно подчеркнуты нити, связывающие человека с жизнью: у всех воинов есть отец и мать. Их не следует убивать, тем более что они могут проклясть Давида. Но не только это, они – созидающее, а не разрушающее крыло жизни. Они оставили

поля, землю, пришли, вернее, их привели. Значит, вне этой битвы существует мирное крыло жизни, которое не игнорирует мышление народа. Давид сразу понимает сложившуюся ситуацию, принудительное положение молодых воинов. Прекращает битву и приказывает:

Сказал: отпустите всех юношей,
Пусть идут домой (Сасна Црер, 1977: 127).

Интересно, что в отдельных повествованиях старца заменяет воин, как в вышеупомянутом сказании, более того, он главный среди воинов. Именно поэтому воин может сказать молодым, чтобы они шли домой. Воин даже осознаёт несправедливость и бессмысленность поступков Мсра-Мелика. Поэтому показывает Давиду на его настоящего врага – «душмана». В зависимости от того, кто направляет эпического героя – старец или воин, по-разному описывается и сам Мсра-Мелик с его шатром. Как воин, советник характеризует Мелика как «душмана». Шатёр его красный – символизирующий кровь, у него статус предводителя в армии. В версии Таро Казаряна «Дом Джоджанцев, или Сасна Црер» воин говорит о мощи Мелика, тем самым предупреждая Давида о грядущей встрече с врагом:

Твой враг сидит под голубым шатром,
Сорок пуль свинцовых направлены в его сердце.
Когда он выдыхает – пули поднимаются кверху,
когда вдыхает – они опускаются обратно в сердце (Сасна Црер, 1977: 597).

Старец выступает наставником героя, он говорит о трудящихся людях, лишённых права жить мирно со своими семьями, о молодых, являющихся надеждой своих родителей. Среди них есть недавно женившиеся, есть и те, кто оставил дома голодных жён, а всех их Мелик насильственно привёл на поле битвы. Следовательно, «входить под грех этих бедняков» – совершенно бессмысленно.

В варианте Маргарит Саргсян «Тлор Давид и Мгер» в центре внимания оказывается не столько сам Мелик, сколько пришедшие на войну солдаты. Для рассказчицы-женщины они прежде всего чьи-то сыновья. «Они все от одной матери». То есть все они – сыновья своих матерей, и потеря каждого из них – трагедия для каждой матери. В этой версии проскальзывает больше боли от разрушений, чем демонстрация силы Мелика, которую мы наблюдали в предыдущих вариантах эпоса. Здесь с вершины шатра предводителя свисает золотое яблоко. При выдохе яблоко взлетает к вершине шатра, при вдохе опускается ко рту Мелика. Это изображение свидетельствует больше о социально обеспеченном, «царском» положении, чем о демонстрации силы.

В варианте Мокаци Вардана Базикиан старец даже упрекает Давида, напоминая, что Мелик – его брат, и им надлежит самим решить вопрос:

Вы поссоритесь – потом помиритесь,
а мы, несчастные, погибнем. Ступай же! (Сасна Црер, 1936: 250)

Наставляющий старец и тема прощения

Тема благородства эпического героя тесно связана с темой прощения, что особенно ярко проявляется через образ наставляющего старца. Это голос народа, который в разных формах звучит в «Сасна Црер». В варианте, записанном Гарегином Срвандзтянцем в 1878 году, старца нет, однако среди воинов присутствует желание не сражаться друг с другом (Сасна Црер, 1944: 7, 158). В 1886 г. Манук Абегиан записывает повествование мокского сказителя Нахо «Давид и Мгер», где в разгар битвы старец просит Давида прекратить резню среди воинов Мелика и сразиться только с самим Меликом (Сасна Црер, 1936: 9). В мокских вариантах образ наставляющего старца присутствует почти всегда. Проблема прощения становится одной из важных тем эпоса (Сасна Црер, 1977: 9, 51, 145 и т.д.). Аналогичная картина наблюдается в записях

1902 года от айрацского Мартироса Овсепяна и 1912 года – от Аветиса Мартиросяна (Сасна Црер, 1951).

Эта тема претерпевает существенные изменения в повествованиях, записанных в 1915 г. В результате Геноцид армян в сознании сказителей происходит определённый сдвиг: наставляющий старец заменяется опасной силой – «старухой, скачущей верхом», которая приходит, чтобы сдержать силу Давида. После её слов Давид теряет сознание, а затем его связывают (Сасна Црер, 1936 :701). В вариантах, записанных в 1915 году от апаранца Барсега Саакяна, а также в одном из ванских вариантов (Сасна Црер, 1944), образ старца, воплощающего идею прощения, отсутствует, что также вполне объяснимо. Постепенно образ старца, призывающего к милосердию, вновь становится заметным. Сказители повествований четвёртого тома в основном являются выходцами из Сасуна (Сасна Црер, 1999). Здесь, в вариантах, записанных в 1919 году (повествования Огана Гаспаряна и Газара Тер-Мкртчяна), в 1939 году (Сасна Црер, 1999: 129, 179, 197, 209), а также в вариантах, записанных в 1971 году и в остальных повествованиях (Сасна Црер, 1999: 229–396), образ советующего старца присутствует почти всегда, за исключением лишь двух вариантов: 9 и 10.

Это свидетельствует о том, что в относительно мирных условиях общественной жизни сказители вновь восстанавливают традиционный образ наставляющего старца, который был характерен для ранних вариантов эпоса и тесно связан с его гуманистическим содержанием. Наставляющий старец – один из ключевых персонажей «Сасна Црер», играющий важную роль в раскрытии гуманистической сути эпоса.

Полный количественный анализ всех 160 зарегистрированных вариантов значительно расширил бы объём исследования, поэтому основное внимание было сосредоточено на третьей ветви эпоса – особенно на поединке Давида с Мсра Меликом и на образе старца, удерживающего героя от битвы своим советом.

Мотив благородства в «Сасна Црер» следует рассматривать не только как индивидуальную черту героя, но и как результат взаимодействия социальной среды, мировоззрения сказителей и устной традиции. Если обобщить, то тема благородства и прощения выступает в эпосе как одно из важнейших содержательных качеств, истоки которого уходят в глубь веков и связаны с психологией армянского народа. В самых напряжённых ситуациях сразу за темой героизма в эпосе следует тема благородства и прощения. Обобщая тему, можно утверждать, что в эпосе героизм всегда сменяется темой благородства и прощения. На первый взгляд кажется, что эти темы противоположны, однако на деле они взаимосвязаны – как и в «Илиаде» Гомера.

Важно, что великодушие следует за героическими эпизодами, а не наоборот. Следовательно, важна не первая тема, где герой разбивает врага, а великодушие, когда люди пытаются понять друг друга и направить свою борьбу против единственного и главного врага, что и делает Давид. Последний прислушивается к слову мудрого старика, в результате чего многие молодые люди не лишаются жизни. Конечно, всепрощение никоим образом не лишает Давида героизма. Наоборот, всё это становится очень естественным, возвышает его над противником. В решающей битве, когда Давид сражается с основным противником – Мсра-Меликом, проявляются его моральные качества, способность понимать другого, чувствовать его боль. Сначала, как младший по возрасту, Давид оставляет право первого удара палицей Мелику – хотя последний пришёл на Сасун с бесчисленным войском. Великодушное поведение выражается и в готовности распределить два из трёх ударов между матерью и сестрой Мелика. Это обстоятельство возвышает Давида, он не может игнорировать просьбу Исмил-хатун, её дочери, поскольку они когда-то проявили к нему «сестринское» и «материнское» отношение. Следовательно, сколь бы ни велики были ненависть и гнев к Мелику, Давид готов уступить родным Мелика судьбоносные удары ради человеколюбия, ради той любви, которую когда-то проявили к сироте мачеха и сестра. Как Гомер подчёркивал недопустимость неукротимого гнева и сострадания, так и в «Сасна Црер» народ противопоставляет ненависти всепрощение по отношению к тем, кто

вынужден был выйти на битву. Слепая ненависть заменяется трезвым мышлением. Сострадание к слабому занимает важное место во внутренней философии «Сасна Црер». И в этом смысле достаточно важно описание мирной жизни. Деяния Давида, которые могут не быть героическими, всё равно не лишают его героизма, и тому свидетельство эпизоды со старухой в поле. Эта сцена показывает не только тяжёлую жизнь сасунцев, но и процесс формирования героя как человека, личности в народной среде. Старуха-хозяйка поля назидает ещё юного Давида, гонящего воробьёв, направляет его к истинно важным делам – к насущным проблемам Сасуна.

В эпосе деяния героя никоим образом не являются самоцелью, героические деяния – это невозможность демонстрации силы, они возникают из необходимости, героическое деяние направлено на определённую цель. Это означает, что цель жизни – не битва, пусть даже героическая битва, а мирная, созидательная жизнь, развивающаяся, продвигающаяся вперёд повседневным трудом. Естественно, Давид, а также остальные центральные герои эпоса живут своей обычной, повседневной жизнью. Герои второго плана особенно тесно связаны с бытом, их образы менее идеализированы, хотя они также воплощают такие качества, как мужество, сила, великодушие, верность общему делу. В то же время они могут совершать поступки, которые не вполне соответствуют их характеристике. За это устаиваются упрёка, вспомним отдельные противоречия между Давидом и старухой, Дзенов Оганом, дядей Торосом и Давидом. Эти противоречия показывают, что в биографии героев немало места занимает также образ защитника народа. Они не только стражи родной земли, но и защитники мирной жизни, права людей на жизнь. Героизм рождается именно из необходимости защитить право на мирную жизнь. В противном случае «Сасна Црер» потерял бы свой смысл, поскольку здесь нет героизма ради героизма, все подвиги рождаются ради освобождения собственного дома, родины, её жителей от врага. Давид в своей жизни не готовился к подвигам, просто жил как обычный сасунец, был пастухом, охранял стадо, занимался земледелием. Он к этому шёл не целенаправленно, а просто созидал, поскольку других средств жизни у него не было. Чтобы жить, тем более хорошо жить, нужно было работать, помимо охоты, следовало заниматься земледелием, обрабатывать землю плугом и растить хлеб.

Показательно, что Давид получает весть о нападении врага или сборе дани, работая в поле (Сасна Црер, 1944: 216), а когда побеждает врагов, снова возвращается к пашне. Значит, для него главное – труд, созидание, хлеб. Он вынужден прерывать работу, чтобы изгнать врага и снова продолжить работу. Эти образы отображают мечты народа о мирной жизни, о созидании, а вовсе не о вынужденных героических битвах.

Заключение

Тема благородства и прощения занимает важное место в армянском эпосе «Сасна Црер». Она выражена в самой основе произведения – как в характерах героев, так и в логике его общей структуры. Младший Мгер добровольно покидает грешный мир. На формирование этой темы значительное влияние оказала христианская идеология: не случайно возвращение Мгера соотносится со Вторым пришествием Христа. Вместе с тем благородство и прощение – это качества, органически присущие армянскому менталитету, и они находят отражение в армянской исторической традиции как дохристианской эпохи, так и в деятельности представителей нового времени.

В статье раскрывается проявление великодушно-милосердного поведения эпических героев даже в наиболее драматических, судьбоносных ситуациях. Проводятся параллели между «Сасна Црер» и «Илиадой» Гомера в плане психологических трансформаций героев. Как в армянском эпосе, так и во внутренней философии «Илиады» важное место занимает тема недопустимости неукротимого гнева и противоположная ей тема необходимости сострадания и милосердия.

Тема благородства и прощения, будучи глубоко психологическим явлением, присутствует в различных вариантах эпоса, каждый раз по-своему раскрывая гуманистические идеи. Если в первой ветви («Санасар и Багдасар») прощение выступает как проявление естественного добросердечия (герои по природе своей не злопамятны и не осознают до конца опасность

противника), то в последующих ветвях оно перерастает в осознанное благородство. Давид уже ясно понимает меру опасности противника, но при этом не забывает о гуманистическом смысле своих поступков. Его храбрость больше не связана с безрассудством: быть смелым для него означает следовать собственной чести и великодушию. Он возвышается над бременем ненависти, гнева и разрушений и приближается к идеалу гуманизма и жажды созидательной жизни.

Проблема прощения в различных вариантах эпоса претерпела определённые изменения под влиянием общественной жизни. В мокских вариантах образ наставляющего старца присутствует в версиях, записанных вплоть до 1915 г. В повествованиях, зафиксированных в 1915 г., этот образ либо трансформируется в опасную силу, либо вовсе отсутствует. Начиная с 1919 г., когда общественная жизнь относительно стабилизируется, в повествованиях сасунских сказителей образ наставляющего старца вновь появляется.

Тема прощения связана также с христианством. Религиозная тема занимает важное место в различных вариантах эпоса, чего нельзя сказать о сводном тексте и литературных обработках. В мушских вариантах, записанных ранее, Давид уступает два удара во имя матери и Бога, тогда как в поздних мушских вариантах герой уступает удары уже во имя матери и сестры. Господствующая идеология существенно сузила представления о значении религии в поздних вариантах эпоса.

Литература

1. Абемян, 1966 – Абемян М. *Собрание сочинений в 8 томах*. Т. 1. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966. 570 с. (на армянском яз.)
2. Агафангел, 1977 – Агафангел. *История Армении*. Ереван: Советакан грох, 1977. 191 с. (на армянском яз.)
3. Айкуни, 1904 – Айкуни С. Армяно-курдские эпосы. В кн.: Халатянц Г. (ред.) *Эминский этнографический сборник*. Т. V. Эчмиадзин: Типография Матери Престола, 1904. 294 с. (на армянском яз.)
4. Амбарцумян, 2018 – Амбарцумян А. *Сасна Црер. Сказание, мотив, литературная традиция*. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2018. 320 с. (на армянском яз.)
5. Апресян, 2015 – Апресян Р.Г. Динамика образа героя в «Илиаде» Гомера. *Философский журнал*. 2015, 8 (4), С. 31–46.
6. Библия, 2004 – Библия. Ветхий и Новый Завет. Ереван: Майр Атор Сурб Эчмиадзин и Библейское общество Армении, 2004. 1501 с. (на армянском яз.)
7. Бузанд, 1968 – Бузанд П. *История Армении*. Ереван: Айастан, 1968. 354 с. (на армянском яз.)
8. Гомер, 1987 – Гомер. *Илиада* / пер. с габара М. Херанян. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1987. 500 с. (на армянском яз.)
9. Григорян В. и др., 2024 – Григорян В., Аракелян А., Искандарян Н. *Европейская эпическая традиция и эпос «Сасна Црер»*. Ереван: Мрав принт, 2024. 426 с. (на армянском яз.)
10. Егiazарян, 2013 – Егiazарян А. *Поэтика эпоса «Сасна Црер»*. Ереван: Антарес, 2013. 325 с. (на армянском яз.)
11. Капанцян, 1945 – Капанцян Г. *Кульм Ара Прекрасного*. Ереван, 1945. 171 с. (на армянском яз.)
12. Кухтенкова, 2010 – Кухтенкова О.А. Рыцарская этика. Содержание понятия благородства в средневековом обществе (XI–XIII вв.). *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2010, 2(11), С. 216–224.
13. Мелик-Оганджян, 2006 – Мелик-Оганджян К. *Армянская народная эпическая фольклористика (краткий исторический обзор)*. Ереван: Ван Арян, 2006. 109 с. (на армянском яз.)
14. Михайлов, 1995 – Михайлов А.Д. *Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики*. М.: Наследие, 1995. 360 с.
15. Мовсес Хоренаци, 1981 – Мовсес Хоренаци. *История Армении*. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1981. 417 с. (на армянском яз.)
16. Мовсисян, 2014 – Мовсисян А. *История Армении*. Ереван: Зангак, 2014. 56 с. (на армянском яз.)
17. Орбели, 1956 – Орбели И. *Армянский героический эпос*. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1956. 137с. (на армянском яз.)

18. Песнь о Нибелунгах, 2007 – Песнь о Нибелунгах / пер. с немец. А. Аракелян. Ереван: Наири, 2007. 339 с. (на армянском яз.)
19. Саакян, 1975 – Саакян А. *Критическое сравнение повествований «Сасна Црер»*. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975. 188 с. (на армянском яз.)
20. Сасна Црер, 1936 – Абебян М. (ред.) *Сасна Црер*. Т. 1. Ереван: Государственное издательство, 1936. 1126 с. (на армянском яз.)
21. Сасна Црер, 1944 – Абебян М. (ред.) *Сасна Црер*. Т. 2. Ч. 1. Ереван: Государственное издательство, 1944. 405 с. (на армянском яз.)
22. Сасна Црер, 1951 – Абебян М. (ред.) *Сасна Црер*. Т. 2. Ч. 2. Ереван: Айпетрат, 1951. 1004 с. (на армянском яз.)
23. Сасна Црер, 1977 – Арутюнян С. (ред.) *Сасна Црер*. Ереван: Советакан грох, 1977. 698 с. (на армянском яз.)
24. Сасна Црер, 1999 – Арутюнян С., Саакян А. (ред.) *Сасна Црер*. Т. 4. Ереван: Изд-во НАН РА «Гитутюн», 1999. 582 с. (на армянском яз.)
25. Сасна Црер, 2008 – Сасна Црер. Армянский народный эпос. Ереван: Эдит Принт, 2008. 571 с. (на армянском яз.)
26. Сасунци Давид, 1981 – Арутюнян С. (ред.) Сасунци Давид. Ереван: Луйс, 1981. 359 с. (на армянском яз.)
27. Сасунци Давид, 2019 – Сасунци Давид: сводный текст эпоса и Ованес Орбели: сборник статей, посвящённый 80-летию издания сводного текста. Ереван, 2019.
28. Фирдоуси, 1960 – Фирдоуси. *Шахнаме*. В 6 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 643 с.
29. Чамчян, 1985 – Чамчян М. *История Армении*. Т. 1. Ереван: Изд-во ЕГУ, 1985. 803 с. (на армянском яз.)
30. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1899 – Брокгауз Ф.А. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб.: Семеновская Типолитография, 1899. Т. 26. 500 с.
31. Grusset, 1947 – Grusset R. *Histoire de l'Arménie*. Paris: Payot, 1947. 648 p. (на французском яз.)
32. Runciman, 1954 – Runciman St. *A History of the Crusades*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 394. (на англ. яз.)

References

1. Abegyan, 1966 – Abegyan M. *Collected works in 8 volumes*. Vol. 1. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenian SSR, 1966. 570 p. (in Armenian)
2. Agathangelos, 1977 – Agathangelos. *History of Armenia*. Yerevan: Sovetakan Grogh, 1977. 191 p. (in Armenian)
3. Aikuni S., 1904 – Aikuni S. Armeno-Kurdish Epics. In: Khalatyants G. (ed.) *Eminean ethnographic collection*. Vol. V. Etchmiadzin: Printing House of the Mother See, 1904. 294 p. (in Armenian)
4. Ambarcumyan A., 2018 – Ambarcumyan A. *Sasna Tsrer*. Narrative, motif, literary tradition. Yerevan: Yerevan State University Press, 2018. 320 p. (in Armenian)
5. Apresyan, 2015 – Apresyan RG. The dynamics of the hero's image in Homer's Iliad. *Philosophical Journal*. 2015, 8(4), pp. 31–46. (in Russian)
6. Bible, 2004 – Bible. Old and New Testaments. Yerevan: Mother See of Holy Etchmiadzin & Bible Society of Armenia, 2004. 1501 p. (in Armenian)
7. Buzand, 1968 – Buzand P. *History of Armenia*. Yerevan: Ayastan, 1968. 354 p. (in Armenian)
8. Homer, 1987 – Homer. *Iliad* / translated from Classical Armenian by M. Heranyan. Yerevan: Yerevan State University Press, 1987. 500 p. (in Armenian)
9. Grigoryan, 2024 – Grigoryan V., Arakelyan A., Iskandaryan N. *The European epic tradition and the epic “Sasna Tsrer”*. Yerevan: Mrav Print, 2024. 426 p. (in Armenian)
10. Egiazaryan, 2013 – Egiazaryan A. *Poetics of the Epic “Sasna Tsrer”*. Yerevan: Antares, 2013. 325 p. (in Armenian)
11. Kapantsyan, 1945 – Kapantsyan G. *The cult of ara the beautiful*. Yerevan, 1945. 171 p. (in Armenian)
12. Kukhtenkova, 2010 – Kukhtenkova OA. Chivalric ethics. The content of the concept of nobility in Medieval Society (XI–XIII centuries). *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2010, 2 (11), pp. 216–224. (in Russian)

13. Melik-Ohandzhanyan, 2006 – Melik-Ohandzhanyan K. *Armenian folk epic folklore (brief historical overview)*. Yerevan: Van Aryan, 2006. 109 p. (in Armenian)
14. Mikhailov, 1995 – Mikhailov A.D. *The French heroic epic. Issues of poetics and stylistics*. Moscow: Nasledie, 1995. 360 p. (in Russian)
15. Movses Khorenatsi, 1981 – Movses Khorenatsi. *History of Armenia*. Yerevan: Yerevan State University Press, 1981. 417 p. (in Armenian)
16. Movsisyan, 2014 – Movsisyan A. *History of Armenia*. Yerevan: Zangak, 2014. 56 p. (in Armenian)
17. Orbeli, 1956 – Orbeli I. *The Armenian heroic epic*. Yerevan: Publ. House of the Academy of Sciences of Armenian SSR, 1956. 137 p. (in Russian)
18. Song of the Nibelungs, 2007 – Song of the Nibelungs / transl. by A. Arakelyan. Yerevan: Nairi, 2007. 339 p. (in Armenian)
19. Sahakyan, 1975 – Sahakyan A. *Critical comparison of the narratives of Sasna Tsrer*. Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR Academy of Sciences, 1975. 188 p. (in Armenian)
20. Sasna Tsrer, 1936 – Abegyan M. (ed.) *Sasna Tsrer*. Vol. 1. Yerevan: State Publishing House, 1936. 1126 p. (in Armenian)
21. Sasna Tsrer, 1944 – Abegyan M. (ed.) *Sasna Tsrer*. Vol. 2. Part 1. Yerevan: State Publishing House, 1944. 405 p. (in Armenian)
22. Sasna Tsrer, 1951 – Abegyan M. (ed.) *Sasna Tsrer*. Vol. 2. Part 2. Yerevan: Haypetrat, 1951. 1004 p. (in Armenian)
23. Sasna Tsrer, 1977 – Harutyunyan S. (ed.) *Sasna Tsrer*. Yerevan: Sovetakan Grogh, 1977. 698 p. (in Armenian)
24. Sasna Tsrer, 1999 – Harutyunyan S, Sahakyan A. (eds.) *Sasna Tsrer*. Vol. 4. Yerevan: NAS RA “Gitutyun”, 1999. 582 p. (in Armenian)
25. Sasna Tsrer, 2008 – Sasna Tsrer. *Armenian Folk Epic*. Yerevan: Edit Print, 2008. 571 p. (in Armenian)
26. Sasuntsi David, 1981 – Harutyunyan S. (ed.) *Sasuntsi David*. Yerevan: Luys, 1981. 359 p. (in Armenian)
27. Sasuntsi David, 2019 – Sasuntsi David: Consolidated Text of the Epic and Hovhannes Orbeli. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of the Consolidated Text. Yerevan, 2019. (in Russian)
28. Firdousi, 1960 – Firdousi. *Shahnameh*. In 6 vols. Vol. 2. Moscow: Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 643 p. (in Russian)
29. Chamchyan M., 1985 – Chamchyan M. *History of Armenia*. Vol. 1. Yerevan: Yerevan State University Press, 1985. 803 p. (in Armenian)
30. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary, 1899 – Brockhaus E. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Semenovskaya Typolithography, 1899. Vol. 26. 500 p. (in Russian)
31. Grusset R., 1947 – Grusset R. *History of Armenia*. Paris: Payot, 1947. 648 p. (in French)
32. Runciman, 1954 – Runciman St. *History of the Crusades*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1954. 394 p.

Об авторах

Григорян Вачаган Рафикович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Армянского языка и литературы, факультет филологии Гаварского государственного университета, ORCID: 0000-0003-4669-8152, e-mail: grigoryanvachagan@gmail.com

Искандарян Наира Манвеловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Армянского языка и литературы, Российско-Армянский университет, ORCID: 0000-0002-7914-7966, e-mail: isnaira123456@gmail.com

Аракелян Ара Грачикович, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, факультет европейских языков и коммуникации Ереванского государственного университета, ORCID: 0000-0002-5360-7602, e-mail: arakelara1@gmail.com

About the authors

Vachagan R. Grigoryan, Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Armenian Language and Literature, Gavar State University, ORCID: 0000-0003-4669-8152, e-mail: grigoryanvachagan@gmail.com

Naira M. Iskandaryan, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian University, ORCID: 0000-0002-7914-7966, e-mail: isnaira123456@gmail.com

Ara H. Arakelyan, Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of European Languages and Communication, Yerevan State University, ORCID: 0000-0002-5360-7602, e-mail: arakelara1@gmail.com

Вклад авторов / Authors' contribution

Григорян В.Р. – разработка концепции исследования, проведение исследования, создание черновика рукописи, руководство исследованием

Искандарян Н.М. – проведение исследования, редактирование рукописи

Аракелян А.Г. – методология, проведение исследования

Vachagan R. Grigoryan – conceptualization, investigation, writing – original draft, supervision

Naira M. Iskandaryan – investigation, writing – review & editing,

Ara H. Arakelyan – methodology, investigation

Конфликт интересов/Conflict of interests

Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 18.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 02.02.2026

Принята к публикации / Accepted 01.03.2026